

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800. Т. 1–5. М., 1962–1975.

Смолич И. К. История русской церкви, 1700–1917. М., 1996. Ч. 1.

Статья поступила в редакцию 17.06.2010 г.

УДК 630(470.11) + 338.43(09) + 332.3(09)

И. Н. Белобородова

ТРАДИЦИОННОЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЕ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ ПО НОРМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Исследуется исторический опыт регулирования природопользования (на примере лесопользования) по нормам обычного права, рассматривается дихотомия экономических интересов и мировоззренческих представлений севернорусского крестьянства в отношении леса, анализируются различные формы управления лесопользованием, существовавшие на Русском Севере в середине XIX – начале XX в. и служившие формой традиционной самоорганизации крестьян (община, волость, артель), а также их трансформация в связи с капитализацией (модернизацией) традиционного хозяйства.

Ключевые слова: традиционное лесопользование, Русский Север, традиционная культура, обычное право, модернизация.

Нормы обычного права служили теми социальными рамками, с помощью которых регулировались взаимоотношения человека и природы и происходила регуляция биосоциальных циклов через систему правовой мотивации хозяйственной деятельности и поведения. Как показывает анализ материала и многочисленные исследования по обычному праву, для Русского Севера (по дореволюционному административному делению это территории Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний) была характерна значительная пестрота имущественных отношений, что в известной мере было обусловлено множественностью локальных форм традиционного природопользования, сложившихся на основе природно-ресурсного потенциала микротерриторий.

Лес и его богатства на Русском Севере достаточно рано (уже с XVII в.) были включены в систему регулирования собственности, поскольку являлись одним из важнейших ресурсных источников природопользования и служили основой формирования как традиционных форм земледелия (лесные расчистки, выгоны, сенокосы, пасеки), так и различных лесных промыслов (охота, рубка и сплав леса, смоло- и дегтекурение). Кроме того, для Русского Севера было характерно наличие таких специфических видов хозяйственной деятельности, как судостроение и солеварение, также требовавших большого количества леса.

Согласно статистическим данным, в середине XIX – начале XX в. общая площадь лесов в трех севернорусских губерниях составляла 72 130 144 десятины,

или 59,6 % всех угодий (при среднем показателе по Европейской России в 38,7 %). При этом в Архангельской губернии лес составлял 45,4 % всех угодий, в Вологодской — 86,3 %, в Олонецкой — 63,4 %. Большая часть лесных угодий в этих губерниях находилась в собственности казны и удела: 99,8 %, 92,9 %, 92,9 % соответственно при среднем показателе по Европейской России в 65,09 % (см. табл. ниже).

Распределение лесных угодий в губерниях по форме владения за 1881 г.*

Форма владения	Лесная площадь, дес.	% к общей площади угодий	Всего угодий	% к общей площади
<i>Архангельская</i>				
Крестьянские наделы	25840	0,008	291527	0,4
Владельческие наделы	38426	0,11	117067	0,16
Казна и удел	32581778	99,8	71474602	99,43
<i>Итого</i>	32646044	100	71883198	100
<i>Вологодская</i>				
Крестьянские наделы	1402276	4,44	3585936	9,8
Владельческие наделы	844654	2,69	1491923	4,08
Казна и удел	29310582	92,87	31475	86,1
<i>Итого</i>	31557512	100	36552860	100
<i>Олонецкая</i>				
Крестьянские наделы	236095	2,97	984569	7,87
Владельческие наделы	326052	4,1	455513	3,65
Казна и удел	7364441	92,9	11069927	88,48
<i>Итого</i>	7926588	100	12510009	100
<i>Всего по Европейской России</i>				
Крестьянские наделы	14016838	8,9	138277484	34,0
Владельческие наделы	41003321	26,01	109087084	26,8
Казна и удел	102596449	65,09	159532359	39,2
<i>Итого</i>	157616608	100	406896927	100

* Рассчитано по: [Сборник сведений, с. 24–29].

Преобладающей формой управления природопользованием в целом и лесопользованием в частности на Русском Севере были три формы крестьянских сообществ: община (как поземельное сообщество), волость (как административно-территориальное сообщество) и приход (как духовно-литургическое сообщество). Все они соединялись в универсальную триаду, являвшуюся, по выражению С. В. Юшкова, «миром единым, но троичным в своих проявлениях» [Юшков, с. 12]. Таким образом, мир этот аккумулировал в себе производствен-

ный, общественный и духовный опыт севернорусского крестьянства. «Яркой чертой севернорусского мира являлась его относительно широкая автономия, общепризнанное распределение функций между ним и государством, что, в свою очередь, способствовало прочной укорененности традиций мирского общественного служения» [Камкин, с. 3].

В этой триаде главная регулирующая роль в регламентации права собственности на основные ресурсные источники принадлежала общине.

С конца XVII в. по мере освоения новых земель, сокращения площадей свободных освоенных угодий, а также в силу ряда государственно-правовых (управленческих) актов преобладающей формой общины на Русском Севере становится государственная община-волость, основанная на принципе подушного уравнительного пользования природными ресурсами [см.: Павлов-Сильванский, с. 152]. С. Щепотьев выделил три типа общины-волости, существовавшие на Севере в конце XVIII — XIX в. и различающиеся по периодичности переделов и способу владения расчищенными участками.

Особенности лесопользования на Русском Севере определялись сложившейся общинной практикой владения лесными ресурсами. Включение лесных угодий в поземельную собственность, нормы и правила регулирования поземельных отношений у русского населения Европейского Севера изучены недостаточно [см.: Бондаренко], поскольку исследователи рассматривают их, как правило, в русле общих проблем общинного землевладения, происхождения и характера северной общины. Так, сторонники общины-волости, например, полагали, что лес находился в ее владении и община сама регулировала подушное распределение земельных угодий [см.: Щепотьев, с. 105]. А. Я. Ефименко, напротив, отрицает волостной характер владения лесами. Она пишет: «Леса были такой всепоглощающей, всезахватывающей Божьей стихией, что разграничивать их не было ни смысла, ни возможности» [Ефименко А., 1882, с. 65].

Однако, как показывает анализ материала, разграничение прав собственности не только имело место, но и постоянно усложнялось, что порождало противоречия между государством и обществом. В основе этих конфликтов лежали не только экономические интересы, но и мировоззренческие представления, зафиксированные нормами обычного права. Исследование их дихотомии и является основной целью нашей статьи.

Поскольку лес во второй половине XIX — начале XX в. находился по преимуществу во владениях казны, то нормы обычного права в его отношении претерпевали некоторую корректировку, которая, впрочем, мало изменила существующие отношения. Этот факт отметил еще П. С. Ефименко, который в середине XIX в. писал: «Свободное бесплатное пользование пастбищами в лесах обратилось в законное право, отнятие которого может повлечь большие потери для жителей, т. к. они в здешней губернии не получают особых участков для бесплатного пользования лесом» [Ефименко П., с. 75—76].

Лесные угодья на Русском Севере составляли объект общего волостного владения, и отвод лесов всегда производился для всей волостной общины или для группы селений. Благодаря глубоко укоренившемуся взгляду северных крестьян на лесные угодья как на запасной фонд пополнения недостатка

пахотных земель путем расчистки лесов, крестьяне до того привыкли смотреть на лес как на общую собственность всех жителей округа, что иногда даже несколько волостных общин объединялись вместе для совместного владения такими угодьями. В этом отношении весьма показателен и приговор 40 деревень Кадниковского уезда Вологодской губернии, входивших в три стана. В 1853 г. жители этих деревень «положили постановить сей полюбовный приговор, чтобы нам, как ныне состоим в одном составе общества нераздельно, потому и въезжаем для лесных угодий по удобности, одному другому не запрещать, также пользоваться распашками, санными покосами и скотскими выгонами» [Щепотьев, с. 105]. Помимо общинного лесопользования каждый домохозяин по приговору общины имел право пользоваться определенным количеством леса «за уменьшенную крестьянскую пошлину». На сельском сходе определялось, сколько требуется отпустить каждому хозяину лесных материалов. Лес, который крестьяне получали один раз в год, мог быть передан другому лицу заимообразно, т. к. продавать его публично запрещалось [см.: Сельская поземельная община, с. 4]. Если леса не хватало, то можно было купить его за полную стоимость «по билетам лесного ведомства».

Общинное регулирование лесопользованием наблюдается и в отношении таких мелких лесных промыслов, как сбор грибов и ягод, заготовление веников и трав. Так, повсеместно на Русском Севере, и особенно в районах развития этих промыслов, практиковалось т. н. з а п о в е д ы в а н и е я г о д. «Для этого в начале лета собирается в данной деревне сход и постановляют приговор не собирать ягоды до известного времени, а ослушникам определяется наказание в виде денежного штрафа. В день “расповедания” ягод отправляются почти все поголовно для сбора» [Герасимов, с. 123–124]. По свидетельству А. А. Чарушина, нарушение общественного запрета на сбор ягод до «роповеди» (обычно Иванов (Петров) день, 24(29) июня¹) наказывалось общиной одним из самых суровых («позорящих») наказаний: виновного раздевали на сходе до нага, вешали на шею корзину с собранной ягодой и всей деревней водили по улицам «с криками, смехом и пляской и звоном сковород и колокольцев» [Чарушин, 1913а, с. 324].

В Вельском уезде практиковались так называемые «сходки с залогами», на которых, в частности, устанавливался запрет на употребление в пищу некоторых овощей, выращиваемых на лесных расчистках (горох и репа), до Преображения (6 августа). «На провинившихся налагают следующее наказание: “укачать колеса” (без них-то никуда не поедешь)», а на полученные за выкупленные колеса деньги община покупала вино или жертвовала их в часовню [АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 99, л. 7–10].

Так же жестко регулировалось и время сенокошения, сбора трав и березовых веников, которое, в зависимости от локальной традиции, наступало в период от Иванова до Прокопьева дня (24 июня — 8 июля). Эти запреты были продиктованы рациональными знаниями о времени созревания трав и деревьев

¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю.

и связаны с представлением о том, что до этого срока «трава семя не сбросила», «веники силы не набрали» [ПМА ЛА, запись от Балакиной]. Так, в Карельской общине Онежского уезда «община представляет полную свободу каждому хозяину в устройстве своего полевого надела; но только приговором положено не начинать косьбы сена ранее 20-х чисел июня по наволокам реки Онеги» [Протоколы, № 23, с. 3]. Причиной запрета, очевидно, послужило позднее созревание в этом ареале трав. Нарушители этих запретов, как и в случае с заповеданием ягод, подвергались общественным наказаниям.

Запрет на употребление в пищу ягод, особенно земляники, до Иванова (Петрова) дня, кошение сена, сбор веников и трав был распространен на всей территории расселения русских и имел, кроме рациональной, также религиозную мотивацию. Считалось, что если его нарушить, то «родители [предки] обидятся (не разговоятся)», «лошадь волки задерут»; «зароды ураган разметает (молния спалит)» [ПМА ЛА, запись от Покараева].

Большой удельный вес неземледельческих промыслов в структуре традиционного природопользования населения Русского Севера послужил основой формирования здесь не только общинных, но и артельных форм управления лесопользованием. Организация артелей и регулирование отношений внутри них осуществлялось через систему норм обычного права и традиционной культуры. «Артельщики не связываются никакими письменными обязательствами, — писал Г. И. Куликовский об артелях Олонецкой губернии, — связь чисто нравственная» [Куликовский, с. 206].

Преимущественное распространение в лесопользовании Русского Севера получили артели по рубке и сплаву леса и охотничьи артели.

А. Я. Ефименко, подробно изучавшая вопрос об организации артелей Архангельской губернии второй половины XIX в., писала: «Звериные и птичьи промыслы составляют видную статью Архангельской губернии вообще и для некоторых ее лесистых местностей, особенно для Пинежского и части Мезенского уезда, являются главным источником, из которого добывают средства к жизни местные жители» [Ефименко А., 1874, с. 93].

Важнейшим объектом собственности в ареалах развитого охотничьего промысла были промысловые угодья, которые разделялись на ворги (места для ловли птиц) и путики (лесные тропы, места миграции зверей, на которые ставились ловушки). Права владения ими подтверждались или старинными грамотами, которые передавали «корню», т. е. из рода в род, или было закреплено правом давности владения [Там же, с. 79]. Как правило, эти угодья находились в наследственном владении, но при некоторых обстоятельствах могли быть проданы за 1–10 руб. [см.: Протоколы, № 15, с. 6]. Корреспондент П. С. Ефименко писал, что в Пинежском уезде «пользование охотничьими угодьями переступается, когда владельцы сами не в состоянии почему-либо пользоваться ими, за условное вознаграждение, и о том делаются письменные сделки» [Ефименко П., с. 79]. При семейных разделах, также за вознаграждение, угодья уступались одними членами семьи другим. «Уступившие же отыскивают и приобретают себе новые угодья в свободных местах леса», — писал волостной писарь Пилемской общины Лешуконской волости Мезенского уезда [Протоколы, № 12, с. 4].

С. В. Максимов, посетивший Русский Север в середине XIX в., описывал установление границ угодий следующим образом:

Путик прокладывается просто: идет мужичок с топором, обрубает более бойкие и частые ветви, чтобы не мешали они свободному проходу. В намеченных (по приметам и исконному правилу) местах вешает он по ветвям силки для птиц, прилаживает у кореньев западни для зверя... Верный исконному обычаю и прирожденному чувству понимания чести и уважения к чужой собственности (разрядка моя. — *И. Б.*), он и подумать не сумеет осматривать, а тем паче обирать чужие путики, хотя бы они тысячу раз пересекли его путик [Максимов, с. 499—500].

Поскольку угодья располагались на значительном расстоянии от селений, на пути к ним и по всему периметру устраивались специальные охотничьи избушки (кушни), пользование которыми также регулировалось нормами обычного права. Строительство и пользование кушнями находились в ведении охотников. Например, в Пинежском уезде «как все охотники участвуют в устройстве изб, так равно сообща пользуются приютом, ночлегом и хранилищем в них. Тут промысловые люди складывают свою добычу и ее никто чужой не смеет тронуть. Тут же охотники оставляют провизию даже до другого промысла и никто не берет ее, кроме крайней необходимости, вызванной особенным случаем, вследствие долгого лесования; об этом лишь должно объявить» [Ефименко П., с. 82].

В районах, где охотничий промысел являлся важнейшей частью хозяйственного комплекса, как, например, в Кедвавомской общине Мезенского уезда, право собственности на кушни принадлежало общине [см.: Протоколы, № 15, с. 6]. Община же назначала и общественных смотрителей избушек — кушников, обязанности которых заключались в присмотре за состоянием кушней и уходе за ними. Вероятно, переход права собственности в ведение общины был связан с необходимостью регулировать внутриобщинные отношения в лесопользовании в тех ареалах, где лес становился важнейшим ресурсным источником существования.

Что касается организации охотничьих артелей, то, по замечанию А. Я. Ефименко,

...они крайне просты и имеют чаще временный и случайный характер. Собирается крестьянин на охоту и уславливается с соседом или знакомым, одним или несколькими, идти промыслять вместе, вот и составляется артель; или идет охотник на промысел и где-нибудь в лесу набредает на таких же охотников и идут промыслять сообща — опять артель; или даже случайно столкнутся промышленники у одного дела, например у одного стада животных, бьют вместе, без всяких предварительных соглашений, которые не могут в данном случае иметь место, и эта партия промышленников до окончания того дела, около которого они столкнулись, образует артель. Так как у каждого охотника свое собственное содержание и свое ружье, то, естественно, и добыча делится на равные части между участвующими... Все правовые положения, вытекающие из соглашений такого рода, имеют самые простые, можно сказать первобытные, формы, определяются главным образом издавна установившимся обычаем, на котором держатся все подобные артельные комбинации [Ефименко А., 1874, с. 99—100].

Причиной слабого развития «артельного начала» в охотничьем промысле исследовательница считала его относительно низкую по сравнению с морскими и рыбными промыслами трудоемкость по степени как вложенных затрат, так и физической силы.

Иной точки зрения на охотничьи артели придерживался ученый-лесовод, автор фундаментального труда «Обзор промысловых охот в России» А. А. Силантьев. Он полагал, что исчезновение охотничьих артелей на Русском Севере является следствием упадка этого промысла. Если ранее артели, состоящие из 5–7 человек, сообща осуществляли зимний промысел, то к концу XIX в. они «почти отошли в область преданий. Всюду, по сообщениям губернаторов и лесничих, промышленники охотятся в одиночку, соединяясь в случайные партии по несколько человек для экстренных охот, например гоньбы зверя по насту, на лед, для добывания медведя на берлоге и т. п.» [Силантьев, с. 215].

Капитализация (модернизация) традиционного хозяйства вызвала изменения форм собственности и, как следствие, трансформацию форм управления лесопользованием. Так, в интенсивно развивающейся лесопильной промышленности севера Архангельской губернии конца XIX – начала XX в. артель по рубке и сплаву леса выступает уже не как одна из форм управления лесопользованием, а только в качестве посредника между ресурсами территории и их юридическим собственником – государством. По словам П. С. Ефименко, на заготовках леса в Пинежском уезде подряд артелями брали только для того, чтобы «отвечать круговой порукою как все за одного, так и один за всех» [Ефименко П., с. 179]. Аналогичным образом в Чакульской волости Сольвычегодского уезда артель рубщиков выступала исполнителем заказа лесопромышленника и/или его поверенных; разрешение на рубку общественного леса выдавал староста [см. об этом: АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 331, л. 2–3].

В основном формы управления лесопользованием при рубке и сплаве леса зависели от способа организации промысла. При так называемом семейном подряде, когда крестьянская семья работала «на себя», лес вырубался в пределах тех лесных дач, которые находились в ее собственности. Заготовка леса в этом случае производилась всей семьей: «мужики рубят лес, а женщины и подростки возят его» [Внеземледельческие промысли..., с. 46].

Другой формой организации лесопользования являлось объединение нескольких крестьянских семей и их участков в небольшие артели. Работа здесь была организована по следующему принципу: «один рубит дрова, другой корит (т. е. очищает бревна от коры), третий возит бревна к катищу... Рубящий обыкновенно человек безлошадный и идет к имеющему лошадь в качестве “казака” – работника с платой в 20 коп. и более в день, иногда же “с половины” или “с трети” заработка» [Куликовский, с. 204–205].

В конце XIX – начале XX в., как было сказано выше, наиболее распространенной формой управления промыслом стали специализированные артели, работавшие на крупных лесопромышленниках. «Рубка леса в этом случае производится большей частью из дач, принадлежащих самим лесопромышленникам, или взятых ими в арендное содержание, или, наконец, на сруб», – сообщал А. Шустиков из Кадниковского уезда Вологодской губернии [Шустиков, с. 9].

Традиционную систему регулирования собственности на лес и его богатства условно можно разделить на две части.

Первая связана с поземельными отношениями крестьян Русского Севера, где лес при существующей лесопольной системе земледелия составлял запасной фонд для пополнения недостатка в пахотных землях путем расчистки лесов. В этом случае лес, как и пахотная земля в целом, входил в общую систему землепользования и становился собственностью в соответствии с вложенным в него трудом. Это же касалось лесных сенокосов и выгонов, а позже — участков для лесных порубок. Таким образом, в основе правовой мотивации хозяйственной деятельности и поведения севернорусского крестьянства лежало представление о труде как мере собственности на все природные ресурсы территории. А. Я. Ефименко отмечала, что право собственности на природные ресурсы, прежде всего землю, в севернорусском обычном праве определялось мерой вложенного в освоение данного ресурса труда [Ефименко А., 1882, с. 52]. На это же указывал и корреспондент «Отечественных записок», который, характеризуя общину Олонецкой губернии, писал: «Общинная земля при ее небольшом количестве и малой, вдобавок клочковатой обработке, при обилии озер и болот стоит очень недорого. Стоят только те клочки, которые обработаны. Стоит, стало быть, труд» [А-л. Л-ш, с. 226]. Иными словами, понятие собственности на природные ресурсы в традиционном правосознании населения Русского Севера служило своеобразной мерой интенсивности взаимоотношений человека и природы и зависело как от этнических процессов (колонизация, миграция), так и от природно-ресурсного потенциала осваиваемых территорий. Во всяком случае, достаточно детально разработанные внутри системы обычного права Русского Севера нормы лесопользования базировались именно на возможностях природно-ресурсного потенциала территории, каждого из ее микроареалов. Эти нормы нашли свое отражение в размере наделов, лесных и рыбных угодий, системе переделов и распределения получаемых доходов, особенностях метрических систем, способах организации трудовой деятельности и пр.

Вторая часть представлений о собственности на лес базировалась на фундаментальном мировоззренческом представлении, что «земля (в том числе и лес. — И. Б.) и вода — Божьи». Анализ материала позволяет говорить, что мировоззренческую основу традиционного природопользования составляли импульсы дохристианского происхождения (культ земли и воды), подвергшиеся, однако, значительной перекодировке внутри православной культурной модели. Интересно, что некоторые исследователи связывали возникновение этих представлений с особенностями природно-ресурсного потенциала территорий. Так, корреспондент «Отечественных записок» полагал, что при существующем в Олонецкой губ. подсечно-огневой системе земледелия, обусловленной наличием здесь огромного земельного фонда при малой плотности населения, даже община являлась не собственником, а пользователем земли. Единственным владельцем земли считался Бог. «Земля здесь считается Божьей в гораздо более строгом смысле, чем в Великороссии», — писал он [А-л. Л-ш, с. 227].

Данные мировоззренческие установки во многом послужили основой формирования свободного пользования казенным лесом, что, естественно, приходило в противоречие с существующим законодательством. Можно констатировать, что различного рода нарушения государственных постановлений о казенных и удельных лесах занимали одно из ведущих мест в структуре преступлений и проступков севернорусского крестьянства. Так, по данным Вологодского статистического комитета, из 1 921 осужденного в 1881 г. за различные преступления 526 человек (27,4 %) были осуждены именно за самовольные порубки [Отчет о занятиях..., с. 7].

Массовый характер приняло т. н. «порубочное движение», охватившее 26 вологодских уездов в октябре — декабре 1905 г. и октябре — декабре 1906 г. Причиной его послужил Манифест 17 октября 1905 г., который крестьяне восприняли как разрешение рубить казенный лес [РГИА, ф. 1405, оп. 108, д. 6833, л. 1]. Подобная трактовка, естественно, не могла найти понимания у государственных структур, призванных осуществлять надзор за лесопользованием, что привело к серьезным столкновениям между лесной администрацией и крестьянами. Так, в д. Пономарихи Устьрецкой волости Кадниковского уезда Вологодской губернии вооруженный отряд полицейских стражников, состоящий из 12 человек, не смог заставить крестьян вернуть срубленный лес, поэтому пришлось вызывать на помощь значительный отряд конной стражи [см.: Там же, д. 6955, л. 13].

Всего только за 1905 г. в Вологодской губернии было вырублено 7 061 м³ строительного и 5 548 сажений неделового леса общей стоимостью по казенной таксе 105 690 руб., за что осуждено 19 376 чел. [см.: Там же, ф. 387, оп. 28, д. 962., л. 43—45].

Однако это не остановило «порубочного движения», хотя его размах после 1906 г. заметно пошел на убыль. По указу Правительствующего сената от 11 июня 1914 г. было осуждено 14 крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии за самовольную подсечку леса. «За причиненный ущерб от порубки леса виновные были отосланы в рабочий дом. Штрафные деньги в сумме 2102 рубля 60 коп. взысканы с тех селений, в коих селениях виновные жительствоуют. Лесных надзирателей за несмотрение и допущение истребления казенного леса наказать каждого 20 ударов батогами» [ГААО, ф. 4, оп. 6, т. 2, д. 2043, л. 18]. В декабре 1914 г. рассмотрено дело по обвинению крестьянина Сафонова Романа в самовольной порубке леса. Мезенский уездный суд наказал виновного девятью ударами батогами, оставив осужденного в своем селении [см.: Там же, д. 2016, л. 23]. Подобные примеры можно было бы продолжить. Однако следует заметить, что зачастую самовольные порубки являлись следствием недобросовестности волостных должностных лиц. И. Логинов, наблюдавший в Архангельской губернии в 1880 г. распределение лесоматериалов на волостном сходе, так описывает эту проблему:

Каждый год в августе или сентябре в каждой волости собирается сход, цель которого — распределить бревна на волость таким образом, чтобы крестьяне, имеющие полуразвалившиеся дома, неудобные для жилья, получили достаточное

количество леса для постройки или поправки домов. Гораздо ранее сходов волостные власти обещали «записать леску» зажиточному воротиле, просившему их и подкрепившему свою просьбу веским аргументом. Бедняки предъявляют свои просьбы о лесе, их много, следовательно, и леса требуется много, начинаются горячие споры, препирательства. Громче всех раздаётся голос кулака. Писарь волости (к большому несчастью крестьян или «зашибающий рюмку», или плут — редко бывают деловые люди), записывающий бревна, конечно, не оставлен без внимания кулаком и действует, как желательный хитрому крестьянину... Выходят билеты, и крестьяне приступают, кому нужно, к рубке. Какой-нибудь Пахом едет с этой целью в лес, но останавливается от этого намерения лесной стражей, которая заявляет ему, что он не может рубить лес, потому что ему ничего не назначено. В полной уверенности в своем деле Пахом едет справляться в Правление, где узнает, что ему действительно не назначено ни бревна, тогда как на сходе он ясно слышал, что ему назначено столько-то бревен. Бывает и еще хуже. Пахом, не пойманный вовремя лесной стражей, вырубает бревна и попадает как самовольный порубщик [Логинов, с. 364–365].

Кроме того, государственные меры по регулированию лесопользования, в представлениях крестьян, не имели силы, поскольку противоречили основной мировоззренческой установке, что «лес и земля — Божьи», а потому право пользование ими в равной степени принадлежит всем. Так, например, в Николаевско-Григоровском приходе Вельского уезда «народ смотрит на порубки слишком снисходительно и не видит в этом воровства в собственном смысле, как противонаправственных действий, заслуживающих осуждения» [АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 98, л. 32]. Насколько сильны были эти представления в сознании крестьян, можно судить хотя бы по тому, что традиционной культурой оправдывалось совершение такого тяжкого греха, как лжесвидетельство, если оно совершалось в отношении преследований за пользование лесом. А. А. Чарушин описывает один из таких случаев, когда имущество крестьянина было назначено коронным судом к продаже за самовольные порубки в казенном лесу. «Вся деревня приняла присягу в том, что у виновного ничего нет, кроме лошади и коровы, хотя и знало, что имущество его было спрятано у соседей. «Мужик только стал было оправляться, — приводили в свое оправдание крестьяне, — не зорить же его за лес; да и што они пишут там, будто казенный лес? Лес тут общий, тут и присягнуть никакого греха нет» [Чарушин, 1913б, с. 80].

Таким образом, нормы обычного права в отношении лесопользования носили двойственный характер, что было связано как с практикой хозяйственного освоения края и сложившихся в силу этого специфических форм природопользования, так и с мировоззренческими установками севернорусского крестьянства.

АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1.

ГААО. Ф. 4. Оп. 6, т. 2.

ПМА ЛА. Запись 1986 г. от Е. С. Балакиной, 1910 г. рожд.; С. Л. Покараева 1897 г. рожд. д. Кречетово Каргопольского р-на Архангельской обл.

РГИА. Ф. 387. Оп. 28; Ф. 1405. Оп. 108.

- А-л. Л-ш.* Сельская община в Олонецкой губернии // Отч. зап. 1874. № 2. С. 218–237.
- Бондаренко О. Е.* К вопросу о политике правительства в лесопользовании крестьян Коми края в конце XVIII – начале XX в. // Аграр. отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 131–142.
- Внеземледельческие промыслы Вологодской губернии* / под ред. А. Н. Масленникова. Вологда, 1903.
- Герасимов М. К.* Некоторые обычаи, обряды, верования, приметы и поговорки крестьян Череповецкого уезда Новгородской губ[ерний] // ЭО. 1894. № 1, кн. 20. С. 121–127.
- Ефименко А. Я.* Артели в Архангельской губернии // Сб. материалов об артелях в России. Вып. 2. СПб., 1874. С. 1–174.
- Ефименко А. Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере : (ист. очерк) // Рус. мысль. 1882. Кн. 5. С. 48–73.
- Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869.
- Камкин А. В.* Крестьянский мир на Русском Севере : (материалы по истории севернорусских крестьянских сообществ XVIII в.) : учеб. пособие к спецкурсу. Вологда, 1995.
- Куликовский Г. И.* Артели Обонежья // ЭО. 1892. № 2/3. С. 203–209.
- Логинов И.* Крестьянское самоуправление в лесном деле // Лес. журн. 2/3 [1880]. Кн. 5. С. 364–366.
- Максимов С.В.* Год на Севере / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. Плеханова. Архангельск, 1984.
- Отчет* о занятиях Вологодского статистического комитета за 1882 г. // ВГВ. 1883. № 27, 1 июля. С. 7.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3 : Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.
- Протоколы* годовичного заседания Архангельского губернского статистического комитета, происходившего 21 декабря 1881 г. // АГВ. 1882. № 12. С. 3–4; № 15. С. 5–6; № 23. С. 2–3.
- Сборник* сведений по Европейской России за 1882 г. / Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел. СПб., 1884.
- Сельская* поземельная община // АГВ. 1886. № 8. С. 4–5.
- Силантьев А. А.* Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898.
- Чарушин А. А.* Народный суд // ИАОИРС. 1913а. № 7. С. 311–324.
- Чарушин А. А.* Отношение народа к коронному суду // ИАОИРС. 1913б. № 2. С. 74–82.
- Юшков С. В.* Очерки истории приходской жизни на Севере России XV – XVII вв. СПб., 1913.
- Шустиков А.* Троицина Кадниковского уезда : (этнограф. очерк) // ВГВ. 1883. № 11, 18 марта. С. 9.
- Щепотьев С.* Законодательство и старинные формы землевладения на Севере // Север. вестн. 1886. Кн. 2. С. 80–116.

Статья поступила в редакцию 11.06.2010 г.